

Т.Н. Грановский

**Полное собрание
сочинений**

Том 1

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
Т11

Т11 **Т.Н. Грановский**
Полное собрание сочинений: Том 1 / Т.Н. Грановский – М.: Книга по Требо-
ванию, 2014. – 424 с.

ISBN 978-5-4241-4248-2

Полное собрание сочинений. Том 1.

ISBN 978-5-4241-4248-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

натуры, покойной ровности его духа, въ чистотѣ его характера и въ постоянномъ глубокомъ протестѣ противъ существующаго порядка въ Россіи. Не только слова его дѣйствовали, но и его молчаніе: мысль его, не имѣя права высказаться, протупала такъ ярко въ чертахъ его лица; что ее трудно было не прочесть. Грановскій сумѣлъ въ мрачную годину гоненій сохранить не только каедру, но и свой независимый образъ мыслей, и это потому, что въ немъ съ рыцарской отвагой, съ полной преданностью страстнаго убѣжденія, стройно сочетавалась женская нѣжность, мягкость формъ и та примиряющая стихія, о которой мы говорили», т. е. успокоеніе, вносимое появленіемъ Грановскаго на кафедру.

«Чѣмъ ночь темнѣй, тѣмъ ярче звѣзды!—сказалъ поэтъ, и въ темнотѣ непроглядной ночи, окутавшей Россію въ николаевскую эпоху, обликъ Грановскаго сіялъ какъ путеводная звѣзда; на эту звѣзду съ восхищеніемъ смотрѣло и шло за нею молодое поколѣніе, рядомъ съ этою звѣздой загорались другія звѣзды и звѣздочки, ихъ число разрослось съ теченіемъ времени и, наконецъ, великимъ млечнымъ путемъ прорѣзало темное небо угрюмой дѣйствительности. Блескъ первоначальной путеводной звѣзды почти погасъ въ общемъ сверканіи млечнаго пути, но не только пытливые астрономы, но и простые смертные знаютъ и видятъ эту звѣзду...

Жизнь Грановскаго вовсе не богата событіями. Онъ родился 9 марта 1813 года въ Орлѣ въ обезпеченной семьѣ совѣтника солянаго управленія. Шестилѣтній Грановскій поѣхалъ съ большимъ дѣдушкой на Кавказъ и такъ увлекся воинственностью черкесовъ, что предопредѣлялъ себя военному дѣлу. Учителями его были осколки великой арміи 1812 года, застрявшіе въ Россіи, и мальчикъ Грановскій дѣлалъ такіе успѣхи, что сверстники дали ему поистинѣ пророческое прозвище «профессора».

Тринадцати лѣтъ Грановскаго привезли въ Москву, въ пансіонъ Кистера, гдѣ онъ пробылъ только два года. Отецъ Грановскаго мало заботился о воспитаніи сына и послѣ двухъ лѣтъ пансіонской «науки», мало чему научившей мальчика, онъ три года прожилъ дома и въ Нѣжинѣ, гдѣ познакомился съ французенкой m-lle Герито, которая стала впослѣдствіи близкимъ другомъ Грановскаго, поселившись въ его семьѣ, какъ гувернантка сестеръ Тимоея Николаевича.

Наконецъ, къ 1831 году, безпечнаго и лѣниваго отца Грановскаго удалось убѣдить въ необходимости отправить сына

на службу въ Петербургъ, гдѣ онъ и опредѣлился въ министерство иностранныхъ дѣлъ, какъ человекъ превосходно знающій по-французски. Но Грановскій прослужилъ очень недолго: его тянуло къ наукѣ, къ продолженію своего образованія. Мать была очень довольна такимъ рѣшеніемъ сына, отецъ — не сопротивлялся и Грановскій сталъ готовиться къ университету. Жилось ему очень нелегко, такъ какъ отецъ часто забывалъ высылать деньги или высылалъ ихъ очень мало. Но, все-таки, осенью 1832 года Грановскій вступилъ въ число студентовъ юридическаго факультета петербургскаго университета, продолжая трудиться и надъ самообразованіемъ.

Университетскіе годы проходили для юноши въ такой борьбѣ за существованіе, что инсгда у него мелькала мысль о самоубійствѣ. Между тѣмъ безпечность отца Грановскаго привела къ тому, что имѣніе Грановскаго «Погорѣлецъ» было назначено въ продажу за долги. Бросивъ университетъ, Грановскій помчался на родину и кое-какъ уладилъ тамъ дѣла. Черезъ годъ онъ снова примчался въ Орелъ, чтобы спасти сестру отъ выхода замужъ по настояніямъ отца за нелюбимаго ею человекъ.

Въ 1835 году Грановскій окончилъ университетскій курсъ со степенью кандидата, поступилъ, на службу въ гидрографическій департаментъ морского министерства и принялся за переводы для періодическихъ изданій, но въ томъ-же году получилъ предложеніе занять кафедру всеобщей исторіи въ московскомъ университетѣ и поѣхать для подготовки къ профессурѣ за границу. Въ концѣ мая 1836 г. Грановскій уѣхалъ за границу.

Въ Берлинѣ Грановскій прежде всего принялся за изученіе нѣмецкаго языка, слушалъ лекціи Раумера, Ранке, Риттера и Савиньи, изучалъ латинскій и италіанскій языки, и, наконецъ, погрузился въ Гегеля, который, по словамъ А. Станкевича, обѣщалъ исцѣлить Грановскаго отъ односторонности и субъективности желаній и воззрѣній, «указывая разумность и гармонию въ полнотѣ явленій природы, искусства, религіи, политики и науки».

Въ октябрѣ 1836 г. въ Берлинъ пріѣхалъ Н. В. Станкевичъ, имѣвшій на Грановскаго громадное вліяніе. Онъ ободрилъ упавшаго было духомъ Грановскаго, разсѣялъ его сомнѣнія и придалъ ему энергіи.

«Грановскій, сильно сочувствуя тогдашнему научному направленію, — говоритъ Герценъ: — не имѣлъ ни любви, ни таланта къ отвлеченному мышленію... Изъ него ни-

когда-бы не вышел ни отвлеченный мыслитель, ни замѣчательный натуралистъ. Онъ не выдержаль-бы ни безстрастную нелицепріятность логики, ни безстрастную объективность природы; отрѣшаться отъ всего для мысли, или отрѣшаться отъ себя для наблюдений, онъ не могъ, человѣческія дѣла, напротивъ, страстно занимали его. Грановскій думаль исторіей, учился исторіей и исторіей впоследствии дѣлалъ пропаганду. А Станкевичъ привилъ ему поэтически и даромъ не только воззрѣніе современной науки, но и ея пріемъ... Жизнь Грановскаго въ Берлинѣ съ Станкевичемъ была, по рассказамъ одного и письмамъ другого, одной изъ ярко-свѣтлыхъ полосъ его существованія, гдѣ избытокъ молодости, силъ, первыхъ страстныхъ порывовъ, беззлобной иронии и шалости шли вмѣстѣ съ серьезными учеными занятіями, и все это согрѣтое, обнятое горячей, глубокой дружбой, такой; какою дружба только бываетъ въ юности».

Въ 1839 году Грановскій возвратился въ Россію и 12 сентября того-же года началъ читать въ Московскомъ университетѣ свой историческій курсъ, продолжая трудиться надъ изученіемъ исторіи по 12 часовъ въ сутки. Въ началѣ апрѣля 1840 года онъ окончилъ чтеніе перваго своего курса (средней исторіи) съ успѣхомъ, который превзошелъ его ожиданія. Въ февралѣ 1841 года Грановскій, по его выраженію, «продѣлалъ фарсъ», т. е. сдалъ экзаменъ на степень магистра, несмотря на болѣзненное нервное состояніе. Въ это время, на одномъ изъ баловъ, которые Грановскій посѣщаль, чтобы хотя немного развлечься, — онъ познакомился съ Е. Б. Мюльгаузенъ, а въ октябрѣ того-же года обвинчался съ нею.

Рѣшивъ начать чтеніе въ университетѣ особаго курса исторіи для вольныхъ слушателей, Грановскій собралъ въ аудиторію съ первой-же лекціи (24 ноября 1843 г.) образованнѣйшее московское общество и велъ свои чтенія подъ громъ аплодисментовъ. По мѣткому выраженію Герцена, эти лекціи были «камнемъ въ голову узкимъ націоналистамъ». Славянофилы открыли походъ противъ Грановскаго и въ обществѣ, и въ печати—въ журналѣ «Москвитининъ». Но за Грановскаго, стала публика и нанесла по выраженію Герцена, «плюху доносчикамъ». Эта плюха выразилась въ оваціяхъ, которыя были устроены Грановскому его слушателями 21 декабря 1843 года, когда онъ сказалъ во время лекціи *): «я считаю необходимымъ оправдаться предъ вами въ нѣко-

*) Цитируемъ по дневнику Герцена. (Соч., т. VI).

торыхъ обвиненіяхъ на мой курсъ. Обвиняють, что я пристрастенъ къ Западу; я взялся читать часть его исторіи, я это дѣлаю съ любовью и не вижу, почему мнѣ должно-бы читать ее съ ненавистью. Западъ кровавымъ потокомъ выработалъ свою исторію, плодъ ея намъ достается почти даромъ, какое-же право не любить его? Еслибъ я взялся читать нашу исторію, я увѣренъ, что и въ нее принесъ-бы ту-же любовь. Далѣе, меня обвиняють въ пристрастіи къ какимъ-то системамъ; лучше было-бы сказать, что я имѣю мои ученые убѣжденія; да я ихъ имѣю и только во имя ихъ я явился на этой кафедрѣ; рассказывать голый рядъ событій и анекдотовъ не было моей цѣлью» *).

Но еще большею «плюхой» для московскихъ славянофиловъ была заключительная лекція курса Грановскаго, читанная 22 апрѣля 1844 года. Вотъ какъ описываетъ ее тотъ-же Герценъ: «на послѣдней лекціи аудиторія была биткомъ набита. Когда онъ въ заключеніе началъ говорить о славянскомъ мірѣ, какой-то трепеть пробѣжалъ по аудиторіи, слезы были на глазахъ и лица у всѣхъ облагородились. Наконецъ, онъ всталъ и началъ благодарить служателей,—просто, свѣтлыми, прекрасными словами, слезы были у него на глазахъ, щеки горѣли, онъ дрожалъ... «Благодарю тѣхъ,—такъ кончилъ онъ:—которые съ симпатіей слушали меня и раздѣляли добросовѣстность тона ученыхъ убѣждений; благодарю и тѣхъ, которые, не раздѣляли ихъ, съ открытымъ челомъ, прямо и благородно высказывали мнѣ свою противоположность. Еще разъ благодарю васъ». Онъ молчалъ и кланялся. Безумный, буйный восторгъ увлекъ аудиторію: крики, рукоплесканія, шумъ, слезы, какой-то торжественный безпорядокъ, нѣсколько шапокъ было брошено въ воздухъ... Выйти не было возможности; Грановскій, блѣдный какъ полотно, сложа руки, стоялъ, слегка склоняя голову; ему хотѣлось еще сказать нѣсколько словъ, но онъ не могъ. Трескъ, вопль, неистовство одобренія удвоились, студенты построились на лѣстницѣ, въ аудиторіи они предоставили шумѣть гостямъ. Грановскій пробрался измученный въ совѣтъ; черезъ нѣсколько минутъ его увидѣли выходящаго изъ совѣта, и снова безконечное рукоплесканіе; онъ воротился, прося рукою пощады и изнемогая отъ волненія взошелъ въ правленіе. Тамъ бросился я ему на шею и мы молча заплакали»...

Этотъ успѣхъ окрылилъ Грановскаго, но онъ-же и создалъ ему враговъ и завистниковъ. Университетская админи-

*) Конецъ рѣчи Грановскаго Герценъ не слышалъ.

страція, подѣ вліяніемъ славянофильскихъ доносовъ, стала требовать отъ Грановскаго «аналогій и оправданій въ видѣ лекцій», какъ писалъ онъ въ одномъ изъ писемъ. Ему предложили истолковывать реформацію и революцію «съ католической точки зрѣнія и какъ шаги назадъ»; Грановскій, разумѣется, отказался и, въ концѣ-концовъ, побѣдилъ: университетская администрація не рѣшилась лишить студентовъ такого профессора.

Въ 1844 году Грановскій закончилъ свою диссертацию на степень магистра «Юмбургъ, Волинъ и Винета», противъ которой опять возстали славянофилы и славянофильствующие и долго мѣшали ея публичной защитѣ, которая все-же состоялась 21 февраля 1845 года и была новымъ триумфомъ для Грановскаго и новою «плюхой» его противникамъ. Всѣ студенты стали за Грановскаго и это даже обезпечило администрацію, такъ что 28 февраля, когда Грановскій начиналъ читать свой курсъ для студентовъ, инспекція просила его предупредить готовящіяся ему оваціи. Грановскій, взойдя на кафедру, обратился къ аудитории со слѣдующею рѣчью: «милостивые государи! Позвольте мнѣ благодарить васъ за 21 февраля; этотъ день скрѣпилъ наши отношенія неразрывными узами, я получилъ отъ васъ самую прекрасную, самую благородную награду, какую только можетъ получить преподаватель въ университетѣ, — вполне чувствую ее и съ еще большею ревностью посвящу жизнь мою Московскому университету. Позвольте мнѣ обратиться къ вамъ съ просьбой: я осмѣливаюсь просить васъ, милостивые государи, не изъявлять болѣе наружнымъ образомъ вашего сочувствія. Мы слишкомъ близки другъ къ другу, чтобъ нужны были такія доказательства. Не потому я прошу васъ объ этомъ, что считаю опасными для васъ или для себя такія изъявленія, — я знаю, что это не остановило-бы васъ, — а потому, что они излишни послѣ того изъявленія вашей симпатіи, которое останется на всю жизнь мою лучшимъ воспоминаніемъ. Зачѣмъ наружные знаки? Вы и я принадлежимъ къ молодому поколѣнію, мы имѣемъ общее, прекрасное дѣло посвятить занятія наши серьезному изученію, служенію Россіи, — Россіи, вышедшей изъ рукъ Петра I, равно удаляясь отъ пристрастныхъ клеветъ иноземцевъ и отъ старчески дряхлаго желанія возстановить древнюю Русь во всей ея односторонности» *).

Въ отвѣтъ на эту рѣчь не раздалось ни одного хлопка; но, трескъ «плюхи» былъ явственно всѣмъ слышенъ.

*) Соч. Герцена, т. VI, стр. 162.

Въ концѣ 1845 года Грановскій началъ читать новый публичный курсъ, съ такимъ-же восторгомъ встрѣченный москвичами какъ и первый. Лекци въ университетѣ и литературныя занятія шли своимъ чередомъ.

Въ 1848 г. изъ университета ушли профессора П. Г. Рѣдкинъ и К. Д. Кавелинъ, не хотѣвшіе работать совмѣстно съ лицомъ, которое унижало своими поступками профессорское званіе. Грановскій тоже подалъ прошеніе объ отставкѣ и ѣздилъ даже въ Петербургъ, чтобы лично поддержать свою просьбу, но его отставка не была принята.

Въ семейной жизни Грановскій былъ счастливъ. Любовь Грановскаго къ женѣ была, по словамъ Герцена, «тихою, кроткою дружбой, больше глубокой и нѣжной, чѣмъ страстной. Что-то спокойное, трогательно-тихое царило въ ихъ молодомъ домѣ. Душѣ было хорошо видѣть иной разъ возлѣ Грановскаго, поглощеннаго своими занятіями, его высокую, гнушуюся, какъ вѣтка, молчаливую, влюбленную и счастливую подругу. Я и тутъ, глядя на ихъ, думалъ о тѣхъ ясныхъ и цѣломудренныхъ семьяхъ первыхъ протестантовъ, которые безбоязненно пѣли гонимые псалмы, готовые рука въ руку, спокойно и твердо идти передъ инквизитора. Они мнѣ казались братомъ и сестрой тѣмъ больше, что у нихъ не было дѣтей».

Но не такъ счастливъ былъ Грановскій въ друзьяхъ: Станкевичъ умеръ, съ Герценомъ и Огаревымъ онъ разошелся и этотъ разрывъ нанесъ глубокою, вѣчно сочившуюся кровью рану его привязчивому сердцу. Послѣ разрыва Грановскій ощутилъ внутри такую пустоту, которой не могла заполнить трогательная привязанность его жены. «Я никогда не утѣшаюсь въ моихъ душевныхъ утратахъ,—писалъ онъ женѣ.— Я беру съ собой всякое горе на цѣлую жизнь». Чтобы хоть сколько-нибудь забыться и разсѣяться Грановскій обратился къ картамъ, къ своей родовой страсти: его дѣдъ и отецъ были игроками. Игра вовлекла Грановскаго въ долги, а тутъ скончался отецъ, самъ Грановскій разбился при паденіи изъ экипажа, отъ испуга опасно заболѣла его жена, «Погорѣлецъ» былъ проданъ съ публичнаго торга...

Среди такихъ потрясеній наступилъ 1848-й годъ съ его февральскими днями во Франціи, которые унесли съ собою часть вѣрованій и надеждъ Грановскаго и ему стало «скудно жить», какъ писалъ онъ одному изъ друзей въ томъ-же 1848 году. Въ Россіи наступала эпоха гоненій, носились слухи о закрытіи университетовъ, осwirѣплѣла цензура. Грановскій сталъ на защиту родного ему московскаго университета и

всего вообще русскаго просвѣщенія. Гонять какого-нибудь юнаго ученаго—Грановскій защититъ; цензура не выпускаетъ книгу—Грановскій выхлопочетъ; надо талантливому педагогу мѣсто—Грановскій окажетъ протекцію, самъ пойдетъ просить; нужны студенту книги и совѣты—Грановскій дастъ ихъ; мать ищетъ учителей—Грановскій укажетъ ихъ...

Но внутренняго, душевнаго мира Грановскій не находилъ уже болѣе; подъ вліяніемъ болѣзни хандра все чаще овлаживала имъ; болѣзнъ мѣшала осуществлять широкіе планы.

Настала крымская кампанія, обнажившая всѣ язвы тогдашняго общественнаго неустройства и къ личнымъ страданіямъ Грановскаго прибавилась новая глубокая и мучительная скорбь—о Россіи. Онъ слышалъ «глухой, общій ропотъ», но не видалъ вокругъ силъ, способныхъ къ реформамъ, искалъ новаго Петра Великаго и, конечно, не находилъ.

Министръ народнаго просвѣщенія поручилъ Грановскому составленіе программы преподаванія исторіи, а затѣмъ и составленіе учебника, его избрали деканомъ историко-филологическаго факультета и высшая власть, наконецъ, утвердила его, но недугъ все крѣпчалъ и крѣпчалъ, сгущенная атмосфера не давала дышать, людей, настоящихъ дѣятелей все еще не было видно вокругъ и Грановскій страдалъ и томился духомъ. Но мысль его все еще работала съ тою-же лихорадочностью и устремленностью. Онъ мечталъ о новыхъ публичныхъ курсахъ, историческомъ журналѣ, заботился объ университетскихъ дѣлахъ.

Наконецъ, 4 октября 1855 года, въ ожиданіи приглашенныхъ къ обѣду студентовъ, Грановскій тихо скончался на рукахъ жены.

Черезъ три дня вся интеллигентная Москва хоронила своего учителя, усыпая цвѣтами его послѣдній путь.

«Вліяніе Грановскаго на университетъ и на все молодое поколѣніе было огромно»,—пишетъ Герценъ. Но въ данномъ случаѣ онъ, быть можетъ, только запѣвало въ согласномъ хорѣ другихъ оцѣнокъ Грановскаго, какъ профессора. Истинные, заслужившіе безсмертную благодарность Грановскому труды его, заключаются, по словамъ К. Д. Кавелина, «въ тѣхъ поколѣніяхъ, которыя съ университетской скамьи понесли въ русскую жизнь честный образъ мыслей, честный трудъ, сочувственно отзывались къ дѣлу преобразованія».

«Въ жизни нашихъ университетовъ,—говоритъ профессоръ Н. И. Карѣевъ:—Грановскій былъ первымъ профессоромъ ис-

торіи, который, поставивъ на своемъ знамени идею науки, желалъ, чтобъ эта наука находилась въ живомъ общеніи съ другими отраслями человѣческаго знанія, и, внося въ нее общія философскія идеи, выработанныя передовыми умами своего времени, стремился къ тому чтобы наука эта оказывала вліяніе на жизнь, была воспитательницею не только одной учащейся молодежи, но и всего нашего общества».

Именно въ сближеніи исторіи съ другими науками и съ современностью и заключается величайшая изъ заслугъ Грановскаго предъ Россіей. Его завѣты свято были соблюдаемы учениками Грановскаго, которые съ профессорскихъ кафедръ проповѣдывали тѣ-же идеалы, дѣлали то-же великое дѣло.

Характеризовать Грановскаго какъ писателя не приходится. Можно только повторить слова рецензіи о второмъ изданіи его сочиненій въ «Вѣстникѣ Европы», что сочиненія Грановскаго, «по внѣшней отдѣлкѣ слога, по ясности, опредѣленности и силѣ мысли, по честности убѣжденій останутся всегда замѣчательнымъ памятникомъ нашей исторической литературы».

Въ настоящее изданіе вошли всѣ статьи, включенныя въ четвертое изданіе сочиненій Грановскаго (Москва 1900 г.), но не въ распредѣленіи ихъ по отдѣламъ, а въ хронологическомъ порядкѣ (по времени напечатанія или написанія).

Изъ лекцій Грановскаго нѣкоторыя сохранились въ записяхъ быть можетъ, приблизительно и точныхъ, но мы не сочли возможнымъ ввести эти «записи» въ собраніе «сочиненій» Грановскаго, за исключеніемъ четырехъ лекцій, напечатанныхъ вскорѣ послѣ его смерти (1862 г.), во «Времени». (Эти лекціи не вошли въ четвертое изданіе сочиненій Грановскаго 1900 г.).

В. Никольскій.

Судьбы еврейскаго народа.

Отъ паденія Маккавеевъ по нынѣшнее время.

«Съ удивленіемъ и почтеніемъ, смотрю я,—говоритъ Ватсонъ:—на народъ еврейскій, разсѣянный по земной поверхности: я вижу въ немъ звено, которое соединяетъ насъ съ колыбелью рода человѣческаго». Кромѣ этого уваженія, столь сильнаго для христіанина, гражданское и политическое значеніе шести милліоновъ отверженныхъ обществомъ людей, которые всегда составляли въ массѣ европейской людности нравственное пятно и настоящую касту паріевъ, очень достойно быть предметомъ соображеній философа и государственнаго челоуѣка. Многія другія обстоятельства призываютъ еще наше вниманіе къ этому народу въ минуту, когда мы принимаемся за перо: Россія, которая даетъ въ своихъ владѣніяхъ убѣжище цѣлой четверти еврейскаго населенія Европы, послѣ разныхъ опытовъ улучшить судьбу своихъ жидовъ и сдѣлать ихъ полезными членами общества, оказала въ нынѣшнемъ году торжественное правосудіе ихъ долгому несчастію постановленіемъ, которое пребудетъ памятникомъ въ нашемъ законодательствѣ и состоитъ въ связи съ важными выгодами, государственными и частными. Многіе извѣстные писатели посвящали въ послѣднее время перья свои исторіи страданій и заблужденій евреевъ; года три тому назадъ Парижская Академія Надписей предлагала этотъ самый предметъ дѣятельности соискателей ея вѣнцовъ, и наконецъ, послѣ превосходнаго сочиненія Петра Бера (Beer), «Опытъ о жидахъ, 1825», и трудовъ Мало и миссіонера Вольфа, изысканія двухъ весьма уважаемыхъ нами ученыхъ, гг. Капфига и Деппинга, пролили новый свѣтъ на вопросъ, который мы

избрали заглавіемъ для этого разсужденія *). Столько соединенныхъ поводовъ, изъ которыхъ каждый входитъ въ рядъ фактовъ, любопытныхъ для наблюдателя современныхъ занятій въ области европейскаго ума, рѣшаютъ насъ представить здѣсь результатъ нашего чтенія.

Къ числу самыхъ благодѣтельныхъ слѣдствій возрастающаго просвѣщенія безспорно принадлежитъ практическое приложеніе къ отношеніямъ лицъ и народовъ началъ вѣротерпимости и истинной любви ближняго, составляющихъ отличительный характеръ христіанской религіи. Съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе изглаживаются враждебные предразсудки сектъ и вѣрованій; часть отъ часу становится тѣснѣе союзъ между членами огромнаго семейства, которое называютъ человѣчествомъ. Удивительная перемѣна, которая въ послѣдніе годы совершилась въ состояніи европейскихъ евреевъ, служитъ самымъ очевиднымъ примѣромъ этого сближенія. Очень недавно сыны Израиля были среди нашей образованности несчастнѣе японскихъ кожевниковъ. Разбѣянные по всѣмъ краямъ, безъ отечества, безъ политическаго быта, они не находили у другихъ народовъ ни безопаснаго пріюта, ни сочувствія къ своимъ страданіямъ. Церковь громила ихъ своими проклятїями; народъ ихъ ненавидѣлъ, правительства презирали ихъ и грабили; даже ученые, которые занимались ихъ исторіею, раздѣляли общее предубѣжденіе и, казалось, искали въ лѣтописяхъ этихъ несчастныхъ изгнанниковъ только новыхъ причинъ ненависти и новыхъ поводовъ къ обвиненію. Вольфъ (старшій), Бартоллоци, Банажъ, люди исполнкой учености, собрали всѣ факты, изслѣдовали всѣ отдѣльныя явленія жизни евреевъ, но значеніе этой жизни въ общемъ бытіи человѣчества не обратило на себя ихъ вниманія. Они безъ должнаго сочувствія изучали чудную исторію народа, который, утративъ всѣ условія отдѣльной народности, неизмѣнно пронесъ черезъ длинный рядъ вѣковъ и переворотовъ, свои религіозныя вѣрованія, свой первобытный характеръ, свои преданія о минувшемъ и надежды на будущее. Наконецъ, къ славѣ и пользѣ христіанской Европы, обстоятельства измѣнились. Два тысячелѣтія тяжелыхъ страданій и бѣдствій изгладили кровавую черту, отдѣлявшую евреевъ отъ человѣчества. Честь этого примиренія, которое день ото дня становится прочнѣе,

*) *Histoire philosophique des Juifs, depuis la décadence des Machabées jusqu'à nos jours, par M. Capefigue, 1833.—Des Juifs dans le moyen-âge; essai sur leur état commercial, civil et littéraire, par R. B. Deping, 1834.*